

В этот день армия Е находилась в состоянии полной боевой готовности, посылая разведчика за разведчиком выяснить путь отступления монгольской орды. Бату остался верен своему слову — не прошло и дня, как они уже отступили в долину Хэйшань, откуда двинулись в Жунань, а затем направились на север.

Елюй Цзунчжэнь наконец-то облегченно выдохнул, а Дуань Лин и вовсе выбился из сил. Никто из них и представить себе не мог, что именно так опустится занавес над всем этим представлением.

— Не волнуйся, — произнес Елюй Цзунчжэнь. — Когда придет время, я пришлю вам на помощь войска — если Хань Вэйюн к тому времени не справится со мной.

— Я не беспокоюсь. Ночью я долго размышлял: если бы я был на месте отца, как бы он решил эту проблему? Я знаю, что эта битва рано или поздно произойдет, но сейчас еще не время.

На столе лежало несколько окровавленных камешков. Дуань Лин все еще писал письмо; он хотел передать его Яо Фу, чтобы сообщить ему, что армия ему не понадобится, так как Е уже вышел из затруднительного положения.

— Следующим будет твое поле боя, Цзунчжэнь.

— И что ты собираешься делать?

— Я жду подходящего момента, — тихо сказал Дуань Лин. — Ты должен помочь мне найти улики, связанные с событиями тех лет в Шанцзине, а также разыскать наш Меч Царства.

Елюй Цзунчжэнь решил остаться еще на один день перед отъездом. В тот вечер они обсуждали множество деталей, включая текущую политическую ситуацию в Южной Чэнь. Дуань Лин не считал Цзунчжэня чужаком и решил послать за Фэй Хундэ и У Ду. Вчетвером они обговорили все необходимое, лишь воздерживаясь от упоминания внутренних государственных дел в присутствии Елюй Цзунчжэня.

На прощание Дуань Лин верхом на лошади вместе с Елюй Цзунчжэнем отправился по дороге из Е через западные ворота города, пока они не достигли холмистой местности, через которую они с У Ду проезжали, когда впервые попали в город.

Накануне вечером выпал снег. Бескрайние холмы и горы, укрытые белоснежным покровом, преобразились, став невероятно живописными. Казалось, что суровая пустошь, скрытая под снегом, больше не напоминала о своем прежнем облике.

Дуань Лин и Елюй Цзунчжэнь добрались до границы холмов. Дальше не было ничего, кроме далеких равнин и каньонов, и если он поедет по имперскому тракту, то сможет добраться до Шаньси за три дня.

Ветер поднимался над заснеженными полями. Притоки Сюньшуй замерзли, и бледное солнце светило на ледяную реку, тянущуюся на тысячи ли.

— Я могу пройти с тобой и тысячу ли, но в конце концов мы должны расстаться.

Дуань Лин остановился, когда они вышли на берег реки, и сердце захлестнула волна противоречивых чувств.

— Тебе предстоит сделать еще одно дело, — наконец сказал Дуань Лину Елюй Цзунчжэнь.

— Я понимаю, — ответил Дуань Лин. Он знал, что самое важное, что ему предстоит сделать, — придумать, как убедить Лан Цзюнься. Только так он сможет в ближайшем будущем занять место наследного принца.

Это также было одним из воспоминаний, с которыми он не хотел сталкиваться вновь.

— Если я не ошибаюсь, — произнес Елюй Цзунчжэнь, — ты все это время еще не навещал его.

— Ты не ошибся, — с долей досады ответил Дуань Лин. — Если бы мы хоть чуть-чуть походили друг на друга, я бы даже заподозрил, что ты тоже сын моего отца.

Елюй Цзунчжэнь громко рассмеялся. Несмотря на то, что Дуань Лину было невежливо говорить такие вещи, Елюй Цзунчжэнь прекрасно понимал, что он хотел сказать.

— Если бы ты еще не стал анда с Бату, — весело посмотрел на него Елюй Цзунчжэнь. — Я бы с удовольствием восемь раз поклонился небесам и стал бы твоим названным братом.

— У меня никогда не было старшего брата. Я даже не смел мечтать о таком старшем брате, как ты.

— Ты подобен прекрасному нефриту. Я тоже не смел мечтать, что у меня будет такой младший брат, как ты.

Елюй Цзунчжэнь положил руку на плечо Дуань Лина. Закатное солнце удлинило их тени, отбрасывая их на поверхность ледяной реки, и они молча смотрели друг другу в глаза.

Дуань Лин подумал: «Даже если мы с Бату — анда, я все равно хотел бы стать с тобой названными братьями. Но Елюй Цзунчжэнь — не Бату, и, если отбросить все остальное, мы все равно представляем две разные империи. Чувства — это одно, а политика — другое, и мы оба это прекрасно понимаем. Будь мы простыми людьми, всё было бы иначе...»

Но если Елюй Цзунчжэнь промолчит, то и Дуань Лин тактично не станет больше поднимать эту тему. Достаточно было того, что они знали, что у друг друга на сердце.

— Думаешь, мы видимся в последний раз? — улыбаясь, спросил Дуань Лин.

— Надеюсь, что да, — ответил Елюй Цзунчжэнь. Император не мог так просто покинуть свою столицу, поэтому, если только он не попал в плен, с начала времен существовала только одна разумная причина уехать из столицы — когда император шел на войну.

Если каждый из них вернется в Ляо и Чэнь и больше никогда не увидит друг друга, это также будет означать, что эти два государства больше никогда не испытают несчастья войны.

— Тогда... — произнес Дуань Лин. — В жизни нашей редки были встречи...

—...Мы как Шан и Шэн в кругу созвездий, — с улыбкой закончил Елюй Цзунчжэнь. — Я прощаюсь с тобой. Но не стоит считать это прощание последним. Возможно, через несколько лет мы встретимся вновь.

Дуань Лин испытывал тоску, но Елюй Цзунчжэнь снова заставил его смеяться.

— Ты будешь хорошим императором, — сказал Дуань Лин, — да здравствует Ваше Величество.

— И тебе того же, — Елюй Цзунчжэнь поставил ногу в стремя и сел на коня. — Жди хороших новостей. Пошел!

Елюй Цзунчжэнь переправил своих гвардейцев через замерзшую реку и исчез под лучами заходящего солнца. На равнине противоположного берега стоял Дуань Лин в меховом плаще. Перо в его шляпе развевалось, и солнце отбрасывало на него длинную тень, пока он молча смотрел вдаль. И только когда закат постепенно окрасился в темно-красный цвет и понемногу опустился под конец Янцзы, он медленно развернулся и подошел к У Ду.

У Ду все это время ждал его на берегу реки с поводьями Бэнь Сяо в руках. Позади него стояла команда телохранителей Дуань Лина.

В этот момент Дуань Лин вдруг осознал, что только он являлся истинным хозяином десяти тысяч ли смертного царства этой империи.

— Когда он доберется до Юйбигуань? — спросил У Ду.

— Он поедет через Тунгуань, — ответил Дуань Лин. — Его подчиненные отправили сообщение. Хэлянь пошлет за ним отряд из Тунгуань. Он будет в безопасности, как только доберется туда.

У Ду помог Дуань Лину взобраться на лошадь. К тому времени, как они вернулись в Е, уже кружились снежинки. С началом девятого месяца в Хэбэе наступила зима, и под тонкой снежной пеленой город сиял теплым светом фонарей.

Дуань Лин вновь почувствовал грусть от того, что ему придется покинуть это место.

— Когда мы вернемся в Цзянчжоу? — спросил У Ду Дуань Лин.

— Будем ждать новостей от твоего друга-императора, — У Ду все еще не очень доверял Цзунчжэню, но тот всегда проявлял сдержанность в его присутствии, поэтому по сравнению с «монгольским варваром» и «тангутским идиотом» у У Ду не сложилось к нему явно враждебного отношения.

Теперь, когда посторонние почти все ушли, остались в основном свои.

— Тогда давай отправимся в путешествие? — произнес У Ду. — Мы можем перезимовать на юге.

Дуань Лин заворчал:

— Ты шутишь? Если губернатора не будет в своем городе, и он уедет зимовать со своим комендантом на юг — ждать нам расправы от императорского двора!

— Кто посмеет донести? — ответил вопросом на вопрос У Ду.

— Дело не в том, доложит об этом кто-то или нет. Монгольская орда, возможно, и отступила, но работы еще полным-полно. Ей конца и края нет.

— Я сделаю ее за тебя. Сколько всего работы?

Дуань Лин начал перечислять:

— Как только мы вернемся в поместье, нам нужно будет сначала просмотреть книги, выслушать отчеты о том, как пережить зиму, проверить зимний бюджет Ши Ци и планы на весну, которые он представил. Где твое прошение о наборе в армию? Мы должны определить, сколько людей требуется, и вместе с остальными отправить его на утверждение императорскому двору. Надо назначить имперского эмиссара соли и железа — даже если город Чан освобожден от налогов, туда все равно нужно нанести инспекционный визит. Может, послать чиновников проверить окрестные деревни и составить о них отчет?

— Хорошо, — тут же передумал У Ду, — сделай вид, будто я ничего не говорил.

— Мы должны написать письмо благодарности Хуайинхоу, не так ли? — добавил Дуань Лин. — А ведь еще канцлер...

Чжэн Янь стоял у двери и, увидев, что Дуань Лин вернулся, поднял глаза и произнес:

— Я уже написал от тебя письмо.

— Спасибо, — вздохнул Дуань Лин и уселся на пороге вместе с Чжэн Янем. У Ду прошел мимо них в коридор и свернул за угол, направившись в свою комнату, чтобы переодеться.

— Не стоит благодарности, — Чжэн Янь оглядел Дуань Лина с ног до головы, а на его лице появилась ухмылка. — Значит, ты прогнал всех чужаков?

— Да, наконец-то я их всех прогнал. Нам нужно готовиться к зиме.

— Ну что ж, теперь моя очередь. Ты был так занят политикой и хозяйственными делами, что даже не спал по ночам.

Дуань Лин, вспомнив, что за последние дни не уделял внимания Чжэн Яню, почувствовал себя немного виноватым.

— Войска Яо хоу же не пришли?

— Я послал кое-кого сказать им, чтобы они возвращались. Гонец уехал сегодня рано утром, отряд, вероятно, уже выдвинулся. Когда они встретят гонца на дороге, просто повернут назад. Давай, не шути.

Дуань Лин громко рассмеялся и положил руку на плечо Чжэн Яня.

— Вот и не стало твоего Чжэньшаньхэ.

— Я как раз собирался поговорить с тобой об этом, — невозмутимо произнес Чжэн Янь. Он встал, жестом пригласил Дуань Лина зайти внутрь и закрыл за собой дверь.

У Дуань Лина возникло предчувствие, что Чжэн Янь собирается сообщить нечто крайне важное. Сердце словно подступило к горлу.

Метель осталась за стенами. Дуань Лин несколько мгновений смотрел на Чжэн Яня, а затем внезапно передумал и сказал:

— Присаживайся.

Сказав это, Дуань Лин развернулся и спокойно уселся на кушетку. Этот жест мгновенно изменил расстановку сил: из слушателя он стал участником беседы. Чжэн Янь невольно пристально взглянул на него, и в его глазах мелькнуло одобрение.

— Господин Ван. За эти дни я многое обдумал. Есть вопросы, которые я обязан задать.

— Тогда нет ничего плохого в том, чтобы задать их, господин Чжэн, — ответил Дуань Лин и в то же время понял, что, раз Чжэн Янь начал разговор таким образом, значит, он намекал на то, что собирался говорить об государственных делах — возможно, даже предъявить императорский указ.

За окном появилась высокая фигура — это был сменивший одежду У Ду. Дуань Лин бросил взгляд на окно, но У Ду не зашел. Он развернулся спиной к двери, охраняя комнату.

— Большое спасибо, — Чжэн Янь редко говорил с У Ду так почтительно.

— Не за что, — раздался голос У Ду. Он и охранял дверь, и напоминал Дуань Лину, что он здесь.

В комнате повисла тишина, и в этой спокойной обстановке Дуань Лин внезапно ощутил странное предчувствие: серьезность, с которой Чжэн Янь начал разговор, указывала на то, что истинная цель диалога простиралась куда дальше обсуждения меча. Он подсознательно это ощущал — и одновременно понимал, что предчувствие было и у самого Чжэн Яня.

— У Ду сказал мне, что ты знаешь, где находится Чжэньшаньхэ, — сказал Чжэн Янь.

— Не совсем, — не задумываясь, ответил Дуань Лин. — Просто Елюй Цзунчжэнь сказал мне, что он может найти меч, а когда найдет, то отошлет его нам.

— А когда он отправит его нам, кому ты собираешься его отдать?

— Я отдам его тому, кто первым завладеет им.

— Его Величество хочет заполучить этот меч. Ты должен сначала все тщательно обдумать.

— Зачем он Его Величеству? Чжэньшаньхэ принадлежит Залу Белого Тигра. Призвание владельца меча тесно связано с империей Великой Чэнь. Его Величество уже является правителем нашей страны, и, исходя из этого, Чжэньшаньхэ ему не нужен. Даже у покойного императора он был до того, как он занял трон.

Чжэн Янь на мгновение задумался, а затем сказал:

— Есть одна вещь, в которой я не уверен, и я хотел бы посоветоваться с вами, господин Ван.

Дуань Лин поднял бровь, давая понять, что он должен продолжать и сказать то, что хотел. Чжэн Янь зашагал по комнате и добавил:

— Если У Ду завладеет им, то, согласно принципу, по которому обладатель Чжэньшаньхэ может возглавить четырех великих убийц Зала Белого Тигра, это сделает его генералом-защитником государства*.

* Чжэнго цзянцзюнь (卞 卞) — генерал, который защищает государство. Вообще, такой титул даровали младшим линиям императорского клана во времена династии Цин.

— Мы не присваиваем титул генерала-защитника государства вручением меча, господин Чжэн,
— Дуань Лин не знал, что ему ответить.

— Я понимаю. Конечно, помимо наследования этого меча, человек должен обладать соответствующими достоинствами, и признание по мечу — одно из таких достоинств. Но, несмотря ни на что, если У Ду примет его, ему придется защищать императорский двор. Защищать императорский двор — значит защищать Его Величество и наследного принца. Но, судя по его собственным прежним словам, он даже отказался войти в Восточный дворец, когда ему предложили пост младшего опекуна наследного принца. Не пытайся убедить меня, будто он хочет «честно и открыто» дожидаться получения Чжэньшаньхэ, а уж потом стать советником в Восточном дворце. Я не ребенок.

За дверь У Ду ответил:

— Чжэн Янь, твои догадки завели тебя в заблуждение. Чжэньшаньхэ, возможно, и имеет отношение к императорскому двору, но его функция заключается не только в защите императора — он также отвечает за исправление ошибок, которые тот может совершить.

Чжэн Янь потерял дар речи.

— Конечно, при определенных обстоятельствах это может включать и убийство императора ради безопасности империи, — непринужденно бросил У Ду, как будто речь шла о пустяке. — Если императорский двор не справедлив, то исправлять ситуацию — задача Зала Белого Тигра. С Чжэньшаньхэ в руках можно убить даже Его Величество, не говоря уже о наследном принце. Ты так не считаешь, Чжэн Янь?

Дуань Лин даже через дверь чувствовал дерзкую ауру У Ду — словно тот, кто стоял на страже снаружи, на самом деле был страшным тигром с яркими полосами, сидящим во дворе.

— Так вот что задумал господин У Ду, — спокойно произнес Чжэн Янь. — Ну, тогда давайте притворимся, что я ничего не говорил.

— Покойный император это понимал, — сказал У Ду. — Вот почему он держался за Чжэньшаньхэ. Что он там еще говорил? Если вам нужен Меч царства, давайте, идите и возьмите его. Из четырех великих убийц единственный, кто не сражался с ним, — это Чан Люцзюнь. И, честно говоря, мы все искренне приняли свое поражение.

— Хорошо, — сказал Чжэн Янь. — Тогда, как только получим известие, нам придется самим выбрать победителя. Уверен, Чан Люцзюнь тоже не собирается упускать такой шанс.

Дуань Лин произнес:

— Я думал, что четыре великих убийцы должны подчиняться тому, кто владеет Чжэньшаньхэ, и не имеют права поднимать против него оружие?

— Главное не владение мечом, — спокойно ответил Чжэн Янь, — человек, обладающий мечом, все еще нуждается в признании со стороны других учеников Зала Белого Тигра. Если его боевые искусства недостаточно хороши, он не сможет этого добиться.

На мгновение оба замолчали. Между бровей Чжэн Яня пролегла складка, как будто его терзало разочарование, от которого невозможно было избавиться. Прошло много времени, прежде чем он вздохнул и посмотрел на Дуань Лина.

— Мы закончили? — спросил Дуань Лин. — Это все, о чем ты хотел поговорить?

— Не беспокойтесь. Теперь давайте перейдем ко второй теме, господин Ван.

Дуань Лин жестом показал, чтобы тот продолжал.

— Наследный принц — самозванец, которого поставил на этот пост Улохоу Му. А вы двое никогда не задумывались, где находится настоящий наследный принц?

— Откуда мне знать? — пожал плечами Дуань Лин. — Почему бы нам не позвать Улохоу Му и не спросить его?

— Если я смогу узнать это у него, зачем мне спрашивать тебя? — Чжэнь Янь небрежно отмахнулся от него и перешел на низкую кушетку рядом, откинувшись на подлокотник и положив обе ноги на стол. Он добавил:

— Подумайте, господин Ван. Я ни на минуту не поверю, что вы никогда не пытались разобраться в этом вопросе.

— Скорее всего, он умер, — сказал Дуань Лин. — Возможно, это уже случилось, когда пал город.

— Когда пал какой город? — спросил Чжэн Янь.

— Шанцзин, — ответил Дуань Лин. — Разве не из Шанцзина вернулся наследный принц? И покойный император вынужден был направиться в Шанцзин именно для того, чтобы спасти наследного принца. Когда начался хаос, покойный император погиб, и наследный принц тоже. В этом нет ничего необычного. Поэтому Улохоу Му нашел молодого человека, который знал наследного принца, и попросил его выдать себя за него.

Раньше бы Дуань Лин колебался, раздумывая, стоит ли говорить Чжэн Яню правду, но именно когда Чжэн Янь предложил одолжить войска у Хуайинхоу, Дуань Лин внезапно передумал — если одно письмо от Чжэн Яня было способно перебросить пятьдесят тысяч солдат Яо Фу, то их отношения явно были не просто «дружескими».

Велика вероятность, что Чжэн Янь на самом деле принадлежал к фракции Яо Фу.

Дуань Лину осталось только еще раз напомнить себе, что он должен быть начеку в отношении этого дяди, которого он никогда не видел.

Чжэн Янь в знак согласия хмыкнул.

— А потом Улохоу Му отвез этого так называемого «наследного принца» обратно в столицу и усадил его на это место. Можно считать это одним из вариантов.

— Если наследный принц — самозванец, — сказал Дуань Лин, — то это не «один из вариантов», а единственный вариант.

— Нет-нет! — взмахнул пальцем Чжэн Янь. Так получилось, что он лежал на кушетке спиной к Дуань Лину, поэтому по выражению его лица он не мог судить, что было у него на уме. Дуань Лин нахмурился.

— Есть и другая возможность, — сказал Чжэн Янь.

— Какая возможность? — спросил Дуань Лин, нахмутив брови.

— У Ду как-то упоминал, что именно Улохоу Му нашел потерянного наследного принца для покойного императора восемь лет назад. Тогда настоящий наследный принц был совсем маленьким ребенком. Улохоу Му устроил его в школу в Шанцзине и охранял его до тех пор, пока У Ду не отправился на поиски этого ребенка по приказу генерала Чжао. Все так и было, мой друг за дверью?

— Да, — ответил ему из-за двери У Ду.

Чжэн Янь поднял глаза и взглянул на Дуань Лина.

— А что, если ребенок, которого привел с собой Улохоу Му, тоже самозванец?

В голове Дуань Лина что-то взорвалось. Он больше не мог вымолвить ни слова.

Чжэн Янь посмотрел на Дуань Лина и добавил:

— Мы не знаем, видел ли покойный император своего ребенка. Думаю, скорее всего, нет.

Дуань Лин потерял дар речи.

У Ду холодно произнес:

— Чжэн Янь, неужели ты думаешь, что покойный император был настолько глуп, что не мог узнать свою плоть и кровь?

— В этом огромном мире нет ничего невозможного. На своем веку я повидал немало подобных вещей. По маленькому ребенку ничего не скажешь, но, когда он вырос, фальшивому наследному принцу все же удалось обмануть Его Величество, так что, как видите, нет ничего абсолютного.

Слова Чжэн Яня мгновенно пробрали Дуань Лина до мурашек. Он на мгновение онемел, не в силах вымолвить ни слова.

— Это один из вариантов, — наконец после паузы произнес Дуань Лин.

Чжэн Янь хмыкнул и, свесив ноги со стола, сел. Подумав немного, он добавил:

— Ван Шань, а что если этот наследный принц — ребенок Улохоу Му и принцессы?

Голову Дуань Лина уже второй раз пронзило молнией — он едва смог сдержать порыв выхватить меч и зарубить Чжэн Яня.

Одна из рук Дуань Лина продолжала дрожать. Он заставил себя успокоиться и ответил:

— Чжэн Янь, если эти слова произнести вслух, Его Величество убьет нас всех, чтобы мы замолчали.

Чжэн Янь махнул рукой:

— Это просто случайные догадки, не воспринимай всерьез. Расскажу тебе секрет.

Дуань Лин настороженно посмотрел на Чжэн Янь.

— На самом деле я незаконнорожденный сын Яо хоу, — с улыбкой сказал Дуань Лину Чжэн Янь.

Даже стоящий снаружи У Ду, казалось, удивился.

— Ты... — Дуань Лин и представить себе не мог, что Чжэн Янь вдруг заговорит о том, что не имело никакого отношения к их обсуждению.

И тут Чжэн Янь сказал:

— А теперь твоя очередь поделиться секретом.

Чжэн Янь пристально посмотрел на Дуань Лина и произнес, четко оттачивая каждый слог:

— У Улохоу Му есть еще одно ханьское имя, о котором почти никто не знает. «Лан Цзюнься» — как ты узнал о нем?

Дуань Лин мгновенно остолбенел. У Ду тут же распахнул дверь, вошел и достал меч. Чжэн Янь поднял руку в перчатке в сдерживающем жесте, его взгляд был прикован к движениям У Ду.

— Ты очень умен, Чжэн Янь, — сказал Дуань Лин. — Это был единственный раз, когда я оступился.

В тот день, когда Дуань Лин и Бату обменивались заложниками, он в спешке выкрикнул имя Лан Цзюнься. Вернувшись, он подумал, что Чжэн Янь, возможно, слышал это, но не понял смысла. Тогда обстановка была хаотичной, и он надеялся, что Чжэн Янь все забудет по возвращении. Однако оказалось, что тот запомнил это и, не упоминая несколько дней, внезапно застал Дуань Лина врасплох.

Чжэн Янь ответил:

— Это имя, которое Улохоу Му использовал в прошлом. Даже три другие школы Белого Тигра и главный храм не знали о нем. После уничтожения Павильона Закаленного Меча мой учитель взял меня туда для расследования, и мы нашли несколько бумаг, которые не успели сжечь. Среди пепла был полуобгоревший лист письма с этим именем.

— Логично предположить, что, поскольку вы с Улохоу Му были совершенно незнакомы, ты

никак не мог знать это имя. И уж тем более он сам не стал бы раскрывать его — оно связано с частью его прошлого, о котором предпочитают молчать.

Дуань Лин сказал:

— Чжэн Янь, тебе не кажется, что с нашей стороны очень странно обсуждать эти вещи за его спиной?

Чжэн Янь улыбнулся.

— По-моему, ничего странного в этом нет. Похоже, я наконец-то нашел вас, Ваше Высочество.

Чжэн Янь поднялся, подошел к Дуань Лину, подобрал полы халата и опустился на колени, склонившись перед ним в глубоком поклоне.

У Ду холодно произнес:

— Чжэн Янь, это был довольно нечестный трюк.

У Ду прислонил острие Легуанцзяня к спине Чжэн Яня, чтобы он не мог сделать ни одного резкого движения. Стоит ему лишь пошевелиться — Легуанцзянь вонзится ему в шею.

В комнате воцарилась тишина, и никто из них не произносил ни слова.

Дуань Лин умоляюще посмотрел на У Ду. Он стоял, глубоко нахмурившись, не в силах определить, обернется ли эта ситуация благом или бедой.

Дуань Лин на мгновение замолк, но решение, которое он принял за считанные секунды, оказалось более трудным, чем любое другое, которое он принимал в своей жизни до сих пор. Наконец, он решил рискнуть.

— Встань, мой дорогой сановник, — сказал Дуань Лин.

У Ду только убрал меч, но не вернул его в ножны, а настороженно уставился на Чжэн Яня. Его правая рука готова была в любой момент зарубить его.

Чжэн Янь снова встал во весь рост и произнес:

— Его Величество питал подозрения с тех пор, как впервые увидел вас. Когда он приказал мне искать Чжэньшаньхэ, на самом деле он просил меня приехать и обеспечить вашу безопасность.

Дуань Лин застыл в ошеломленном молчании.

Это был второй раз, когда Дуань Лин испытал шок. Чжэн Янь, сложив руки, взглянул на У Ду, а затем перевел взгляд на Дуань Лина и произнёс:

— Ранее я не мог точно судить, потому решил на жестокое испытание. Мои слова в адрес покойного императора и Вашего Высочества были непростительной дерзостью. Прошу прощения.

— Ты... прощен.

В голове Дуань Лина царил полный беспорядок. За этот вечер произошло слишком много событий, одно за другим, и он был совершенно не в состоянии держать себя в руках.

— Погоди-ка, — произнес Дуань Лин, поднимая руку, — Чжэн Янь, что ты только что сказал... о Его Величестве? Позволь мне хорошенько обдумать. Я уже запутался.

Чжэн Янь не ответил. Он стоял в стороне, и в его глазах мелькнула улыбка.

У Ду сказал:

— Чжэн Янь, проклятый негодяй, — ты все это время знал?

В голове Дуань Лина проносилось миллион мыслей: Чжэн Янь узнал, кто он такой, но это не так важно. Самое главное из того, что он сказал, озарило жизнь Дуань Лина ярким светом, настолько ярким, что у него едва не закружилась голова.

— Чжэн Янь, если я не ослышался... — Дуань Лин задрожал всем телом. — Ты сказал, что Его Величество...

Чжэн Янь слегка поклонился и сказал:

— Я пойду принесу кое-что. Ваше Высочество узнает, как только увидит. — закончив фразу, он удалился из комнаты. Дуань Лин в недоумении и неуверенности посмотрел на У Ду, но тот, казалось, тоже был немного сбит с толку.

— Неужели то, что он говорит... — спросил Дуань Лин, — то, что он говорит, — правда?

— Он действительно незаконнорожденный сын Яо Фу, — ответил У Ду.

— Я не это имел в виду... Ну да ладно.

Не успел Дуань Лин оправиться от шока, как Чжэн Янь уже вернулся с дорожным свертком.

Чжэн Янь положил его на стол перед Дуань Лином и развернул. Только когда он достал первый деревянный жетон, У Ду окончательно потерял бдительность, утратив к нему враждебность. Однако на смену ей пришла иная форма враждебности.

Когда Дуань Лин увидел матерчатый сверток, наполненный деревянными жетонами, в его глазах потемнело, и он едва не упал в обморок.

На каждом деревянном жетоне была написана фамилия — это были опознавательные знаки Теневой стражи!

— Скольких людей ты убил? — спросил Дуань Лин.

— Шестнадцать. Вскоре после того, как Ваше Высочество отправились в Хэбэй, Фэн До из Восточного дворца послал Теневую стражу, чтобы убить вас. Когда Его Величество узнал, что была отправлена Теневая стража, у него возникли подозрения, и он попросил меня проследить за ними и выяснить, что они замышляют.

Только сейчас Дуань Лин осознал, что за пределами их осведомленности произошло множество событий.

— Почему он обратил на меня внимание? — спросил Дуань Лин. — Он знает, что я... его племянник?

Чжэн Янь покачал головой.

— Я не уверен.

— Не стоит соблюдать формальности, — сказал Дуань Лин и уже собирался взять Чжэн Яня за руку и усадить его рядом, но заметил, как помрачнело выражение лица У Ду, и пригласил Чжэн Яня рукой. — Просто иди сюда и расскажи мне все, что знаешь.

— Но я действительно больше ничего не знаю.

Дуань Лин испустил долгий вздох и сказал У Ду:

— Я хочу вернуться в Цзянчжоу.

— Ни за что, — ответил У Ду. — Сейчас мы на острие ножа. Любой неверный шаг встревожит пса Цая.

Чжэн Янь ответил:

— Не стоит. Вы должны ждать приказов от Его Величества. Его Величество сам сказал мне: что бы ни случилось, вы не можете поспешно возвращаться в Цзянчжоу и должны ждать в Е, пока он не подготовит все необходимое для вашего возвращения.

Как только он услышал эти слова, из глаз Дуань Лина тут же хлынули слезы. Все, что он пережил за эти годы, опасный путь, который он преодолел, защита, которую он воздвиг вокруг себя, — все это рухнуло пред лицом этих слов.

Он беззвучно проливал слезы и кивал:

— Хорошо, хорошо... Я сделаю то, что он просит. Спасибо, Чжэн Янь. Спасибо.

Бессознательно подняв руку, он почувствовал, как У Ду сжал ее в своей, сев рядом. Чжэн Янь вздохнул и устроился на краю стола, наблюдая за Дуань Лином. Сначала слезы текли беззвучно, но вскоре он уже не мог сдерживаться — обхватил У Ду, прижался к его плечу и разрыдался.

За окном кружились снежинки. Холодный ветер нес их в комнату, осыпая истерзанную землю и нежно скрывая все раны и шрамы. Снег танцевал в воздухе, словно печали никогда не существовало, а вместо них осталась лишь белизна, сулящая богатый урожай.

В ту ночь все мысли Дуань Лина были словно в тумане, и он даже не знал, когда и как заснул.

На следующий день Дуань Лин проснулся от того, что рядом с ним сидел У Ду, внимательно смотрел на его заспанное лицо и улыбался.

— Чувствуешь себя лучше? — спросил У Ду.

— Намного лучше.

У Дуань Лина немного болела голова. Он сел.

У Ду сказал:

— Чжэн Янь послал гонца в Цзянчжоу.

Дуань Лин испустил долгий вздох. В голосе У Ду звучало разочарование:

— С этого момента ты больше не будешь принадлежать только мне. Я очень долго ждал этого

дня, но теперь, когда он настал, не знаю почему, но мне немного жаль отпускать тебя.

— Пфф! — Дуань Лин засмеялся, обнял У Ду за шею и поцеловал его. Вскоре на щеках У Ду появился заметный румянец. Их губы едва разомкнулись, как Дуань Лин вновь поймал его в поцелуй, не дав произнести ни слова.

Спустя некоторое время, когда У Ду попытался заговорить, Дуань Лин ненасытно прижал его к кровати, обняв за талию, и впился в его губы. К этому времени тело У Ду уже откликнулось страстью, и от всех поцелуев его дыхание участилось. Не останавливаясь, Дуань Лин расстегнул его легкие одежды, проходясь поцелуями вниз по его груди.

У Ду повернулся, чтобы посмотреть в зеркало, и увидел свое отражение в распахнутом халате — его член был тверд и устремлен в потолок. Тем временем Дуань Лин схватил его за основание и, высунув язык, облизнул от корня до головки, осторожно сглатывая капли вытекающей на кончик спермы.

Зрелище было слишком возбуждающим, к тому же прошло уже несколько дней с тех пор, как У Ду в последний раз кончал, так что сдерживаться становилось все труднее. Дуань Лин провел по нему языком всего несколько раз, прежде чем У Ду почувствовал головокружение, его член дернулся, и из него выплеснулась густая жидкость.

— Эй! — она попала Дуань Лину в рот, и он сразу же покраснел.

У Ду засмеялся. Дуань Лин попытался встать с кровати и найти тряпку, чтобы вытереться, но У Ду схватил его и усадил обратно, обнимая и целуя в губы.

Дуань Лин потерял дар речи.

У Ду слизал остатки белесой жидкости с уголка губ Дуань Лина, а затем прижал его к себе и поцеловал, глубоко проникнув в него языком и насыщая рот сексуально возбуждающим вкусом спермы. Их языки переплетались, Дуань Лин был покори́н этим поцелуем, слабость охватила все его тело, и он с трудом все это проглотил.

— Я всегда буду принадлежать тебе и только тебе, — обняв У Ду, Дуань Лин зарылся головой в его шею и прошептал. — Тогда ты подобрал меня на берегу реки и каждую ночь был рядом со мной.

Слушая эти слова, У Ду почувствовал, как его охватывает дрожь.

— Будь то отец, дядя или Лан Цзюнься... — голос Дуань Лина прозвучал тише шепота, наполненный безграничной тоской и печалью. — в каждом отрезке моего прошлого словно живёт иная версия меня. Но я чувствую, что всегда останусь тем, кем был в ту ночь.

— Какую ночь? — У Ду усадил Дуань Лина на бедро и положил руку ему на спину, чтобы тот сидел прямо, а затем немного приподнял голову, встречаясь с ним взглядом.

— Ту ночь, когда ты сидел на полу и смотрел, как я плачу, — с нежной улыбкой произнес Дуань Лин.

У Ду стало тяжело дышать, он встал, держась за бедра Дуань Лина, и поднял его с кровати, усаживая на стол. Он поцеловал щеку Дуань Лина, проводя зубами по раковине уха, и осыпал поцелуями линию вниз от шеи, распахивая халат.

Дуань Лин неподвижно смотрел на своего красивого возлюбленного. У Ду приподнял бровь, и тот кивнул. Казалось, они всегда понимали друг друга без слов; их близость всегда была одновременно и волнующим, и долгожданным событием, как и в тот раз, когда они впервые предстали друг перед другом обнаженными.

У Ду снял халат, бросив его на пол. Он расстегнул штаны, и в зеркале отразился его обнаженный профиль с уже затвердевшим членом.

Дуань Лин произнес:

— Я думаю, что, возможно, с той ночи...

— Я не хочу сейчас ни о чем говорить, — тяжело дыша прошептал У Ду. — Я просто хочу тебя трахнуть.

Дуань Лин затих.

От этих слов его сердце учащенно забилося, словно он только что услышал самое грубое и одновременно самое нежное признание в любви на свете, а затем последовал глубокий поцелуй, и он почувствовал, как переполняется сердце, а любовь едва не выплескивается из уголков рта.

— Хочешь взглянуть? — спросил У Ду.

— На что взглянуть? — меж бровей Дуань Лина пролегла складка, и он почувствовал, как эрегированный член У Ду, покрытый влажной смазкой, уже протискивается между его бедер и трется о его вход.

У Ду поднял ногу и поставил босую ступню на стол, в зеркале были видны его напряженные, стройные мышцы, а особенно задняя часть, свисающие яйца и огромный член. Благодаря тому, что отражение было расположено под углом, Дуань Лину все было прекрасно видно. Под мускулистыми ягодицами У Ду красовался его толстый, как у осла, член, а между ними — кожа, которую Дуань Лин никогда раньше не видел.

И прямо сейчас эта гигантская штука толкалась в его анус, прокладывая себе путь внутрь его тела...

— Ах! — вскрикнул Дуань Лин, его щеки залил румянец, но он не мог отвести взгляд: визуальное воздействие доставляло ему сильное удовольствие. Он впервые видел, как член У Ду входил в его зад, как большая его часть исчезала внутри, а затем медленно вытягивалась наружу.

У Ду взял ладонь Дуань Лина и положил ее себе на бедро, направляя его пальцы к пояснице и ягодицам. Дуань Лин продолжил вести руку вниз, от крепкой талии к мускулистому, упругому заду, пока его пальцы не начали массировать яйца У Ду, остановившись, когда он достиг края, где соединялись их тела.

Двойное удовольствие от созерцания и осязания становилось просто восхитительным, и они оба потерялись в тяжелом, сбивчивом дыхании своих любовных утех. Дуань Лин склонил голову к зеркалу, чтобы полюбоваться широкими плечами и подтянутой талией У Ду, его стройным и крепким, как у жеребца, телосложением, а также тем, как внутри и снаружи двигался его член.

У Ду не переставал его целовать и неистово ускорился. Дуань Лин не смог сдержаться и начал судорожно стонать, обхватывая руками талию У Ду, чтобы притянуть его к себе.

У Ду продолжал вбиваться в него, и Дуань Лин почувствовал, насколько властным и диким он стал сегодня, но удовольствие казалось особенно сильным, настолько, что у него закружилась голова. Когда он наблюдал в зеркале за сплетением их обнаженных тел, его разум начал затуманиваться.

— Эй! — У Ду похлопал Дуань Лина по щеке, заставляя его перевести взгляд на свое лицо и перестать просто смотреть в зеркало.

— Ах... не так сильно... ах! — застонал Дуань Лин.

Он встретился взглядом с У Ду, и тот замедлился, ослабляя толчки бедрами. Дуань Лин снова повернулся к зеркалу и в отражении увидел, как его анус не до конца закрывался, когда эта огромная вещь выходила из него, демонстрируя розовые и нежные края, прежде чем член У Ду снова вбивался во всю длину, нанося сильный и глубокий удар.

От одного этого мощного толчка Дуань Лину стало так хорошо, что все его тело сжалось, а анус и внутренние стенки сократились. Но когда У Ду замер и хотел отстраниться, Дуань Лин понял его затруднительное положение и попытался расслабиться, одарив его усталой улыбкой.

У Ду выждал, пока пройдет острое ощущение, а затем, обхватив Дуань Лина руками, развернул его и поставил на пол. Ноги Дуань Лина продолжали дрожать, и, удерживая У Ду внутри себя, он выпрямил спину, оказавшись лицом к зеркалу.

У Ду обнял Дуань Лина за талию, шаг за шагом подводя к зеркалу, поставил на ноги и опустил голову, целуя его в губы.

Дуань Лин не мог не вспомнить сцену, свидетелями которой они случайно стали в ту ночь у борделя. Но теперь он сам занимался любовью, и У Ду жестко трахал его сзади.

Ничто другое не дарило такого визуального эффекта. Дуань Лин не мог сдержать текущие по щекам слезы, пока У Ду продолжал проникать в него, прижимая к зеркалу, и стонал снова и снова.

У Ду поцеловал уголок глаза Дуань Лина.

— Тебе приятно?

Его член уже добрался до самого чувствительного нерва в нижней части живота Дуань Лина, и при повторных толчках У Ду терся о него, словно выдаивая. Каким-то образом ему удалось заставить член Дуань Лина сочиться бледно-белой жидкостью в такт его движениям.

— Я больше не могу! У Ду! — Дуань Лин взмолился о пощаде и его дыхание участилось, он почувствовал, как наслаждение проникает в его существо, кожа на груди краснеет, а по всему телу проходит дрожь. Его член сотрясался от толчков У Ду, а густая жидкость сочилась по его пунцовой твердой плоти, стекая вниз к линии соединения их тел.

Он не кончил сразу, но ощущения были медленными и интенсивными, задействуя каждый чувственный орган в его теле. У Ду все еще не останавливался, и их тела громко шлепались друг о друга. Из уголков глаз Дуань Лина текли слезы, а его анус, дрогнув, сжался вокруг члена У Ду.

— Я тоже сейчас кончу... — произнес дрожащим голосом У Ду.

Дуань Лин посмотрел на него в зеркале и в этот момент с изумлением обнаружил, что в глазах У Ду, казалось, стояли слезы. Их взгляды встретились, и У Ду крепко обнял его, целуя в губы. Спина Дуань Лина плотно прижалась к груди У Ду, и через кожу он почувствовал сильное биение его сердца.

Спустя несколько вдохов Дуань Лин весь содрогнулся от оргазма и ощутил, как У Ду кончает внутри. На мгновение они затихли. У Ду все еще не хотел отстраняться от его губ, их языки ласкали друг друга, посасывая и сливаясь в поцелуе. Они еще довольно долго целовались, а затем медленно отпрянули друг от друга.

Дуань Лин прислонился к зеркалу и взглянул на безупречные мускулы стоящего позади него У Ду.

В его глазах стояли слезы, а на губах играла легкая улыбка. Он немного застенчиво смотрел на У Ду.

***

— Чжэн Янь — действительно... ну, ты понимаешь, ...Яо хоу? — пока У Ду одевал Дуань Лина, тот не мог не спросить.

У Ду немного помолчал.

— Почему ты так беспокоишься об этом?

Дуань Лин сказал:

— Старший опекун наследника престола, генерал-защитник государства, мой господин. Пожалуйста, перестаньте придирается к нему.

— Как скажешь, — уголок рта У Ду слегка вздернулся.

— Во всем мире никто другой не смог бы...

— Я знаю, — перебил его У Ду. — Ты все еще считаешься со старыми чувствами, даже когда речь идет о Улохоу Му, не говоря уже обо мне. Я просто подумал, что если кто-то и способен доводить тебя до слез, заставляя улыбаться и вернуть к дяде, то это должен быть я. Я и представить себе не мог, что кто-то опередит меня в этом, и меня это немного возмутило, вот и все.

Дуань Лин задумался о том, какой путь они прошли, и У Ду действительно отдал слишком многое. Но он и в самом деле был чересчур добр к нему, соглашался практически со всем, о чем он просил, отказываясь почти от всего, лишь бы быть с ним — даже ценой собственной жизни.

— Я все равно его отблагодарю, — беззаботно произнес У Ду, опускаясь на одно колено рядом с кушеткой, чтобы поправить край штанов Дуань Лина.

— Нет, — ответил Дуань Лин, — это не одно и то же.

Дуань Лин тоже спустился с кушетки и встал на колени перед У Ду. В глазах У Ду чувствовалось смутение, но Дуань Лин провел рукой по его красивому профилю, внимательно вглядываясь в черты лица. Он прошептал:

— Если то, что сказал Чжэн Янь для проверки меня, правда, то все, что произошло с того дня, как я покинул Жунань, было ошибкой. И если я не его сын, то единственный человек, который будет относиться ко мне так же, — это ты.

У Ду ответил:

— Ты прав.

Они молча уставились друг на друга.

Дуань Лин сказал:

— Вот почему ты не такой, как они.

У Ду улыбнулся и легонько чмокнул Дуань Лина в губы. Он обнял его, помог подняться на ноги, и они вышли из комнаты, держась за руки.

Все было как прежде: Чжэн Янь сидел в главном зале с Фэй Хундэ, рядом с ним был Линь Юньци, а напротив них сидели Ван Чжэн и Ши Ци. В руках у Ши Ци находились расписки и бухгалтерские книги.

— Где Янь Ди? — спросил Дуань Лин.

— Ушел покупать железо, — ответил Ши Ци. — Вот расписки, которые нуждаются в вашей печати, господин.

Дуань Лин бегло просмотрел их и передал Линь Юньци, чтобы тот поставил на них печать. Чжэн Янь смотрел на Дуань Лина, а тот смотрел на него. Они оба знали, о чем думал другой, но ничего не говорили.

Его голова была забита тем, что Чжэн Янь сказал вчера, и в ней почти не осталось места для работы. У Ду сел рядом с ним и произнес:

— Давайте сначала поедим. Доложите о чем-нибудь заслуживающем внимания.

Пока слуги подавали завтрак, чиновники завели разговор. Дуань Лин сразу понял, что Чжэн Янь был одним из тех, кто готовил еду. В бульоне кипели речные улитки, плавало шестнадцать вонтонов, а начинка была необычайно вкусной, почти такой же, как в вонтонах, которые он ел в том переулке, у Цянь Ци. Из всех блюд Чжэн Яня, которые он пробовал до сих пор, это было самым вкусным.

— В уезде Чан более тысячи четырехсот трудоспособных мужчин... — Линь Юньци перечислял вопросы внутреннего распорядка, объявляя граждан, которых можно было призвать в армию.

— Из чего сделана эта начинка? — спросил Дуань Лин, сменив тему разговора.

Он был здесь самым высокопоставленным чиновником, поэтому, как только заговорил, все остальные затихли.

— Рыба, креветки и курица — три свежайших ингредиента, — ответил Чжэн Янь. — Маринованные в секретном соусе с добавлением сладкого ферментированного риса. Весь секрет — в соусе.

— Очень вкусно, — с улыбкой произнес Дуань Лин.

Чжэн Янь улыбнулся ему в ответ.

— Благодаря тебе, — невозмутимо произнес У Ду, — мы каждый день наслаждаемся едой от лучшего повара.

— Продолжайте, — Дуань Лин доел вонтоны и обнаружил, что уже был сыт, но явно не настолько, чтобы отказаться от еды. Однако Чжэн Янь всегда готовил именно так — порции были рассчитаны так, чтобы оставлять легкий голод.

Пока чиновники по очереди отчитывались о проделанной работе, Дуань Лин размышлял: «Еда и плотские желания — суть человеческой природы. По идее, зависимость от них должна быть равной. Но чей талант весомее — кулинарное искусство Чжэн Яня или... постельное мастерство У Ду?» Подумав, он все же решил, что У Ду вне конкуренции — в конце концов, природные данные давали ему неоспоримое преимущество... Не удержавшись, он украдкой бросил на него взгляд.

После вчерашних событий мир казался Дуань Лину бескрайним и прекрасным. Даже дефицит в отчетах Ши Ци теперь не вызывал раздражения.

— Хм... — Дуань Лин обратился к Чжэн Яню. — Ты написал письмо в Цзянчжоу?

— Оно уже отправлено, — ответил Чжэн Янь. — Что-то случилось?

Дуань Лин на мгновение задумался.

— Не мог бы ты вернуть гонца?

Чжэн Янь хотел сказать «слушаюсь», но опасался произносить это в присутствии посторонних. Линь Юньци всегда был хитер, так что лучше, чтобы он ничего не заподозрил, поэтому ему осталось лишь кивнуть и глазами подать знак, чтобы тот продолжал.

— Давайте попросим у императорского двора денег, — предложил Дуань Лин.

Чжэн Янь потерял дар речи.

У Ду тоже.

— Деньги пришлют, — успокаивающе произнес У Ду, — это не важно. К тому же у нас сейчас нет недостатка в деньгах, верно?

— Просто без денег я не чувствую себя в безопасности, — улыбнулся Дуань Лин.

— Монгольская орда повернула на север, — сказал Ван Чжэн. — Они движутся через горы Худи и Фэн. Небольшая часть монгольских всадников все еще грабит окрестности Лояна, так что люди, должно быть, прямо сейчас отступают на юг.

— Что за люди? — спросил Дуань Лин.

— По словам наших конных разведчиков, — произнес Ван Чжэн, — к северо-востоку перемещаются жужани, ханьцы, кидани и немало сяньбэйцев. Но их намерения пока неясны. В Жунани уже почти две тысячи человек разбирают дома в заброшенном городе, чтобы жечь костры для обогрева. Не исключено, что остальные будут постепенно продвигаться на юг.

— Господин, — обратился Ши Ци. — Мы должны заранее обдумать, как быть с их прибытием.

Мысли Дуань Лина сегодня были заняты совсем не государственными делами: в один момент он думал о том, умрут ли эти люди от испуга, узнав, что он наследный принц, а в другой — о том, что скажут Цинь Лун и хэбэйская армия, если узнают, что его отец — Ли Цзяньхун. Потом он размышлял, не взять ли этот армейский сброд с собой в Цзянчжоу, чтобы тот служил ему личной охраной, когда придет время. Его разум блуждал совершенно в другом месте.

— Мой господин? — спросил Линь Юньци.

— Что? — безучастно ответил Дуань Лин.

У Ду приказал собравшимся:

— Приступайте к выполнению намеченных планов.

Видя, что Дуань Лин был занят, чиновники сочли, что у него были и другие дела, и перестали его беспокоить. После доклада каждый отправился домой, чтобы пристроить ноги у теплого огня.

Фэй Хундэ произнес:

— Цветы сливы сейчас в самом расцвете, так что я тоже собираюсь прогуляться.

— Конечно, идите, — сразу же ответил Дуань Лин.

Когда Фэй Хундэ ушел, в комнате остались только У Ду, Дуань Лин и Чжэн Янь. Дуань Лин отослал телохранителей и дал им выходной наряду с денежной надбавкой, сказав, что сегодня им нет нужды возвращаться.

— Как обстоят дела в Цзянчжоу? — наконец-то Дуань Лин мог задать пару вопросов о том, что его действительно волновало.

— Ничего необычного, — ответил Чжэн Янь. — По крайней мере, Его Величество ни о чем не упоминал.

Дуань Лин спросил:

— Тогда почему он...

— Естественно, у Его Величества были на это свои причины, — заметив, что Чжэн Янь, похоже, попал в затруднительное положение, У Ду попытался ему помочь.

— Да, верно, — пробормотал про себя Дуань Лин. — Чжэн Янь, почему бы тебе не отправиться обратно в Цзянчжоу?

— Мой долг — защищать вас. Хотя с У Ду тут вряд ли что-то пойдет не так, все же оставаться здесь и охранять вас было прямым приказом Его Величества.

— Хорошо, — улыбнулся Дуань Лин, — по правде говоря, я бы тоже хотел поесть твоей стряпни еще несколько дней.

Дуань Лин немного растерялся, и не прошло и минуты, как он снова спросил с тревогой:

— Неужели он не хочет, чтобы ты был рядом с ним?

— Цзянчжоу находится под контролем Се Ю. Даже если все в мире выступят против трона, Се

Ю этого не сделает. Черные доспехи — главная опора императорского двора, и так было испокон веков.

Дуань Лин кивнул. Однако Чан Люцзюнь уже вернулся в Цзянчжоу, а из четырех великих убийц он был единственным в Цзянчжоу, так что, конечно, никто не сможет ему противостоять.

— Насколько хороши боевые навыки Се Ю? — спросил Дуань Лин.

— У него не будет проблем с обеспечением безопасности Его Величества, — ответил Чжэн Янь, зная, что Дуань Лин беспокоился о сохранности Ли Яньцю.

Дуань Лин полагал, что между его отцом и дядей было больше всего сходства в том, что они оба обладали непередаваемой уверенностью в себе.

— Хорошо, хорошо, — кивнул Дуань Лин.

— Ты собираешься навестить Улохоу Му? — спросил Чжэн Янь.

Дуань Лин на мгновение замешкался, но в конце концов кивнул.

— Привести его сюда? — произнес У Ду.

— Я схожу к нему сам. Чем он занимался в последнее время?

Чжэн Янь вовсе не навещал Лан Цзюнься. Во-первых, они не так уж хорошо знали друг друга, поэтому им не о чем было говорить. Во-вторых, если У Ду и Дуань Лин заподозрили бы, что он что-то разузнал у Лан Цзюнься, то ему было бы трудно объясниться.

А пока У Ду был занят тем, что составлял компанию Дуань Лину, и не хотел тратить время на разговоры с предателем. С тех пор как Лан Цзюнься вернули сюда, кроме Фэй Хундэ, который время от времени навещал его, никто больше не обращал на него внимания, так что они не знали, чем он занимался.

Когда Дуань Лин зашел в комнату Лан Цзюнься, то заметил, что там было очень темно. А еще очень холодно.

На полу лежал мягкий матрас, и Лан Цзюнься спал под одеялом без рубашки. Его плечо и спина, открытые под одеялом, были покрыты рубцами.

На шум он медленно поднялся. Дуань Лин открыл дверь, и в комнату пролился свет, настолько

яркий, что Лан Цзюнься прищурился. Он поднял руку, чтобы заслонить его.

Это напомнило Дуань Лину о его чувствах в тот день, когда, оказавшись в дровяном сарае, Лан Цзюнься распахнул дверь.

— Почему ты один? — спросил Лан Цзюнься. — Тебя никто не охраняет?

— В тебя попал яд У Ду. Сил у тебя мало, так что вряд ли ты сможешь что-то сделать. Тебе приносили еду?

— Да. Мастер Фэй тоже время от времени приносил вино и еду.

Дуань Лин зашел в комнату и обнаружил, что в ней было очень холодно и довольно сыро.

— Когда я уйду отсюда сегодня, то переселю тебя в другую комнату.

— Я благодарен тебе за то, что ты не убил меня. Не нужно относиться ко мне чересчур хорошо, иначе У Ду скажет, что ты мягкотелый, и вы снова поссоритесь.

Дуань Лин оглядел комнату. Сесть было негде, поэтому ему оставалось только стоять. Он глядел на Лан Цзюнься, и его переполняли противоречивые чувства. А Лан Цзюнься смотрел на него снизу вверх — его волосы были распущены по плечам, но глаза, как всегда, были ясными.

В тот день Дуань Лин так и не закончил задавать свои вопросы, но он больше не хотел продолжать.

Он примерно понял, что произошло, из того, что рассказал ему Лан Цзюнься: он помог Цай Яню стать наследным принцем, а Цай Янь пообещал, что поможет ему, когда представится возможность.

— Что же Цай Янь пообещал тебе взамен? — в конце концов Дуань Лин все равно задал этот вопрос.

— Как бы ты ни был умен, ты не можешь этого понять?

— Помочь клану Улохоу вернуть себе трон. Так?

Лан Цзюнься ответил на вопрос молчанием, тем самым признавая, что догадка Дуань Лина была верна.

— Ты... — Дуань Лин закрыл глаза, словно был не в силах больше ничего сказать. — Ты больше ничего не хочешь мне сказать?

— Я уже сказал все, что должен был. Когда ты собираешься предать меня смерти?

Глаза Дуань Лина распахнулись. Он уставился на Лан Цзюнься.

— Будь моим свидетелем. Объяви о том, что ты сделал, перед гражданскими и военными чиновниками, перед всеми в императорском дворе Великой Чэнь и перед жителями империи. Свидетельствуй против Цай Яня, и я тебя помилюю.

— Если я действительно это сделаю, а ты меня помилуешь, это будет слишком несправедливо по отношению ко всем остальным, — слабо улыбнулся и ответил Лан Цзюнься. — Лучше просто убей меня.

Дуань Лин испустил долгий вздох.

— То есть ты не хочешь мне помочь?

Лан Цзюнься на мгновение задумался.

— Нет.

— Почему? — хмуро спросил Дуань Лин.

Лан Цзюнься не ответил ему.

— Ты не сможешь этого пережить. У Ду не позволит тебе уйти, и даже если ты умрешь и попадешь в подземный мир, тебе все равно придется встретить гнев моего отца.

Лан Цзюнься молчал. Вопреки его чувствам, тон Дуань Лина был довольно спокойным.

— Ты ненавидишь нас, да? Ненавидишь ханьцев, ненавидишь императорский двор Великой Чэнь. Цай Янь тоже нас ненавидит, и поэтому ты хочешь, чтобы в империи не было ни дня покоя.

Лан Цзюнься по-прежнему молчал.

— Я попрошу тебя еще раз. Это твой последний шанс. выступи моим свидетелем.

Спустя долгое время Лан Цзюнься медленно покачал головой.

— Чжэн Янь уже знает. Мой дядя все это время догадывался. Он очень скоро вернет меня к императорскому двору.

Услышав это, Лан Цзюнься слегка свел брови.

— Это очень хорошо, — спокойно ответил Лан Цзюнься. — Поздравляю. Я знал, что этот день настанет.

Это стало последней каплей — Дуань Лин так разозлился, что даже не знал, с чего начать. Он еще никогда не встречал настолько упрямых людей. До сегодняшнего дня у Дуань Лина не было ни малейшего представления о том, что с Лан Цзюнься будет так трудно иметь дело.

— Поэтому я... — вздохнул Дуань Лин.

— Ты пришел сегодня, чтобы сохранить мне жизнь, — с улыбкой сказал Лан Цзюнься. — Ты добрый ребенок. Несмотря на то, что смерть уже предрешена, ты надеешься дать мне последний шанс и тем самым убедить себя, что тебе не придется меня убивать.

— Но ты не смог сохранить нашу дружбу, — Дуань Лин обернулся, вздохнул и, толкнув дверь, вышел из комнаты.

— Как все прошло? — У Ду ждал Дуань Лина во дворе.

Дуань Лин выглядел раздраженным.

— Никак. Куда ты идешь?

Дуань Лин увидел, что У Ду был одет в одежду убийцы, а снаружи укутан в меховую шубу. На руках у него были перчатки, а на шее даже шарф.

— Отойду ненадолго, — У Ду поправил завязки на перчатках и сказал. — Я поговорил с Чжэн Янем, и мы оба решили, что Теневая стража отправила по меньшей мере три отряда. Мастер Фэй предложил мне уничтожить их как можно скорее, иначе мы даже не сможем нормально спать.

— Как долго тебя не будет?

— Недолго. Я вернусь к тебе до наступления двенадцатого месяца. Чжэн Янь будет отвечать за твою безопасность, пока меня не будет. Я уже рассказал мастеру Фэй Хундэ о своих планах.

— Где ты собираешься их искать?

— Об этом тебе не стоит беспокоиться, — плутовато улыбнулся У Ду. — Снова заняться старым ремеслом и выследить несколько десятков человек для меня не проблема.

Когда У Ду собрал все свое снаряжение, он наклонился, чтобы поцеловать Дуань Лина. Тот проводил его до выхода из поместья и смотрел ему вслед, пока он уезжал на Бэнь Сяо.

Как только У Ду ушел, Дуань Лин почувствовал пустоту в сердце. Когда он добрался до главного зала, Фэй Хундэ сидел напротив Чжэн Яня и о чем-то болтал. Увидев Дуань Лина, оба встали, чтобы поклониться.

— Пожалуйста, не нужно формальностей, — Дуань Лин немного неловко улыбнулся. Он еще не до конца смирился с ситуацией — те, кто раньше были друзьями, вдруг стали его подданными.

— Мы все равно должны соблюдать соответствующий этикет, — произнес Фэй Хундэ. — Иначе вы не сможете властвовать над своими многочисленными подданными. Вот почему говорят, что один и тот же рис способен вскормить сотню разных людей* и чужая душа — потемки.

* 千人千面 — означает, что все люди разные.

— Но я же не повелитель империи, — лишь улыбнулся Дуань Лин.

— Когда человек становится наследником престола, он разделяет большинство обрядов с императором, — сказал Фэй Хундэ. — Так всегда было заведено у ханьцев, разве нет?

Дуань Лин только и мог сказать:

— Вы были правы, когда поправили меня, мастер Фэй.

Только после этого Фэй Хундэ и Чжэн Янь снова совершили обряд, торжественно поклонившись Дуань Лину. Тот сел на кушетку и вздохнул: он тоже был ученым, поэтому знал, насколько важен был наследник. В императорской семье император являлся примером для всего мира, он никогда не уклонялся от своей ответственности, и империя функционировала под его контролем. Но с наступлением совершеннолетия у наследника появлялось много власти: когда император уезжал на войну, наследник выступал в роли регента вместе с Восточным дворцом и советниками, которые на него работали. Чаще всего наследнику приходилось брать на себя почти половину государственных дел.

Когда Ли Цзяньхун был еще жив, он не раз говорил, что умеет сражаться только на поле боя и не знает, как быть императором. Забрав сына на юг, он продолжил бы военные походы по всей империи, оставив управление страной на Дуань Лина.

Обучение правлению, чтение книг, изучение общественных настроений и знакомство с военным делом — все это было домашним заданием, которое должен был выполнять наследный принц Восточного дворца; однако Дуань Лину и в голову не приходило, что он завершит все свои школьные занятия окольным путем — в изгнании.

После того как прошел день и Чжэн Янь удостоверился в его личности, он больше не смел подшучивать над Дуань Лином и вел себя подобающе. Постепенно Дуань Лин привык, и они вели беседу, как при императорском дворе: один ученый и один военный, левая и правая руки наследника.

Фэй Хундэ проверил планы, которые они составили для окрестностей Е, и утвердил бюджет на следующий год. Вскоре прибыл гонец, сообщив, что Елюй Цзунчжэнь уже добрался до Тунгуань и, успешно пройдя через ворота, направился обратно в Чжунцзин.

— Что вы думаете? — Дуань Лин показал письмо Фэй Хундэ и Чжэн Яню.

— В ближайшие три года сражений больше не будет, — сказал Фэй Хундэ. — Но влияние Хань Вэйюна глубоко укоренилось в Ляо. Для его устранения может потребоваться еще некоторое время. Не стоит рассчитывать на то, что Цзунчжэнь действительно поможет нам в ближайший год.

Чжэн Янь ответил:

— В Ляо не так много сект боевых искусств, а на стороне Елюй Цзунчжэня — отряд его телохранителей. Кроме того, он твердо контролирует военных, так что ничего страшного не случится.

Немного подумав, Дуань Лин пришел к выводу, что это правда: такие люди, как Елюй Цзунчжэнь и Елюй Даши, очень ценили военную мощь, и с тех пор, как клан Елюй основал империю, военные силы всегда оставались в руках императорского клана. Даже когда Хань Вэйюн пытался убить Цзунчжэня, он не решился ввести в бой армию Ляо и мог лишь тайно сотрудничать с войсками Юань.

— Да, — произнес Дуань Лин. — Тогда, думаю, у меня... есть примерное представление.

Фэй Хундэ поднял бровь, словно ожидая, что Дуань Лин задаст ему еще вопросы. Когда Дуань Лин заметил, что они оба смотрят на него, он с любопытством спросил:

— Что?

Чжэн Янь улыбнулся, и Фэй Хундэ тоже одарил его понимающей улыбкой. Чжэн Янь произнес:

— Его Высочество не стал бы спрашивать о чем-то подобном.

— О чем? — удивленно спросил Дуань Лин.

Фэй Хундэ пошутил:

— Я думал, что вы захотите услышать вердикт.

— Вердикт? Нет, нет, — Дуань Лин всегда выносил свое собственное решение. — Мне нужен только процесс. Я могу вынести свой собственный вердикт.

— Это самое большое различие между Вашим Высочеством и человеком, живущим сейчас в Восточном дворце, — сказал Чжэн Янь. — Когда я впервые встретил его, меня не покидало ощущение, что что-то не совсем так, и теперь, когда я хорошенько все обдумал, вероятно, именно это и было причиной.

Фэй Хундэ сказал:

— Все Цай — ученые, и они достойные знатоки, но стратегия и принятие решений не являются их сильными сторонами — они склонны придерживаться известной доктрины.

— По правде говоря, я никогда не считал Цай Яня своим противником, — небрежно бросил и вздохнул Дуань Лин. — Рано или поздно все уладится. На самом деле я беспокоюсь о кое-ком другом.

Дуань Лин не сказал, кто этот «кое-кто другой», но Фэй Хундэ и Чжэн Янь и так все поняли. Его волновало не что иное, как семейство Му. Между Ли Яньцю и Му Куандой сейчас установилось шаткое равновесие, и, возможно, Яо Фу знал об этом, поэтому и отправил Чжэн Яня на сторону Ли Яньцю.

Цай Янь не играл никакой решающей роли. Достаточно Дуань Лину вернуться ко двору, и баланс сил сместится в сторону императорской семьи. Му Куанде ничего не останется, как отложить свои планы и придумывать новые.

Когда Дуань Лин погрузился в раздумья, в дверь постучал Ван Чжэн.

— Что случилось? — спросил Дуань Лин.

— Мой господин, — с тревогой ответил Ван Чжэн, — вам лучше лично отправиться к городским воротам и посмотреть.

Дуань Лин нахмурился — неужели монгольская орда снова вернулась?

— Я пойду с вами, — поднялся со своего места Чжэн Янь.

— Пройдемся все вместе, — сказал Фэй Хундэ, — заодно разомнемся.

<http://bllate.org/book/15657/1400671>